

Лека Сенс

**Четырехугольник
печали. Рассказ**

Лека Сенс

Четырехугольник печали. Рассказ

«Автор»

2026

Сенс Л.

Четырехугольник печали. Рассказ / Л. Сенс — «Автор», 2026

Вера всегда мечтала о великом. Жизнь в маленьком городке с её серыми улицами и однообразной рутинной не приносила ей вдохновения. Как множество творческих людей она отправляется в большой город, который предстает перед ней в своём многообразии, и она погружается в блуждание среди мнений и стилей. Вера осознает, что искусство - это не только о шедеврах, но и о поиске себя, о том, как не растеряться среди гор гордынь и вкусов. А большой город позволяет ей понять, что искусство - это не предел, а процесс.

© Сенс Л., 2026

© Автор, 2026

Лека Сенс

Четырехугольник печали. Рассказ

Бревенчатый домик с умывальником, сверкающим под скудным светом, с почти прозрачной летней кухней, в таких хоромах уютно биться подушками, а во дворе перетягивать канат и прыгать через плетень. Ходить босиком по траве с росой. Собирать грибы, ароматные ягоды, неторопливо кататься по спокойной речке на лодке, наблюдая виднеющиеся вдали дымки, обещающие наваристую уху на костре. Еще забавно бегать с наполненными студеной колодезной водой ведрами, раскачивающимися на коромыслах. Это сказка – лето в деревне, не сложная ассоциация умиротворения тихой размеренной жизни. Но иногда что-то внутри, контур, который невозможно развезть, не позволяющий полностью раствориться в безмятежном, тихом омуте, не дает покоя и манит вдаль. И вот, эта другая, сокрытая в глубинах души, сущность, выныривает из небытия, окунается в утренний смог, укрывающий высоты. Она несется по заасфальтированной дороге в активно движущемся автомобильном потоке. Запрыгивает в здание с лифтом, щелкает пультом кондиционера, выключая верхний свет – летом так прохладней, а зимой уютней, и окунается в реальность. Наконец, альтер эго, от которого так отчаянно пытаешься отделаться, полностью сливается с тобой.

– Что-нибудь выбрали? Ко мне можно на Ты, – отозвался бармен. Голос прозвучал очень молодо. Бармен улыбнулся, и Вера поняла, что перед ней просто моложавый человек, как бы обманчиво не пыталось выдать в нем юнца его сублильное телосложение, узкие плечи и худая шея, торчащая из широкого ворота футболки с сюрреалистичным принтом. На этом художества не заканчивались, по его шее тянулся густой слой татуировок, сливаясь в сплошной серосиний цвет, татушки спускались на плечи и заканчивались у самых кистей рук. Руки же были очень ухоженными, на фоне спадающей с плеч синевы даже казались белоснежными. Кокетливо оттопыривая мизинцы, он старательно протирал фужер полотенцем. Его улыбка за те несколько минут что Вера провела перед витриной с ассортиментом несколько раз преобразовывалась в прищур, через который он рассматривал на свет протертый до прозрачности фужер, перемещая его то влево, то направо. От этого Вера не могла понять он смотрит на нее с улыбкой или прищуром, примеряясь к ней, посетительнице, заглянувшей в кафе с надписью «Со вкусом на Вы».

Вера поправила очки на переносице. Очки ей были очень к лицу, но она носила их от близорукости, квадрат оправы давно стал естественным атрибутом ее образа. К таким небольшим внешним знакам, отражающим внутреннее, но все-таки не обозначающим черты характера полностью и наверняка, также относилось постоянное наличие под ее рукой блокнота или книги. Читать Вера любила, но и оставаться при личном мнении любила не менее. Читая истории, она не ставила целью найти подтверждение собственному видению или опровергнуть его – нет, есть интуиция. Веру сложно было назвать беспечной, но она никогда не задумывалась, сможет ли разжечь костер, окажись на необитаемом острове. Окажись там, она непременно бы проанализировала действия героев приключенческих романов, которые побывали в каком-либо затерянном мире и выжили. На счет того, как сделать то, чего не умеешь, она не переживала абсолютно, потому что искренне полагала, что интеллектуальность – это совсем не отражение в стеклах или нечто увиденное через призму. Она могла нарисовать картину, но испытывать затруднения в приготовлении борща – потому что ей нравилось готовить с аппетитом, и потом есть еда, которую уже приготовил повар. Все люди разные, со своими вкусами.

Непредвзято рассматривая бармена, Вера подумала, что непременно подумает о названии заведения, когда сделает заказ. Хорошо ли это быть на Ты? При чем тут вкус? Что вообще означает эта вывеска, есть ли вообще в названии какой-то смысл? Внешний вид забитого татуировками бармена ее ничуть не смутил. Она наслаждалась жизнью большого города во всех его проявлениях. Огромный мегаполис, с его бесконечными улицами, гудящим потоком машин и небоскребами зданий, не казался Вере пугающим. Она видела в этом месте, где естественно и приятно почувствовать себя одинокой среди множества людей и мнений. Ей самой были интересны просторные залы музеев, где она могла бродить часами, полутемные галереи с различными, выраженными и не очень, идеями на холстах и в инсталляциях, иногда концертные залы.

В этот воскресный дневной час в кафе было немногочленно, но все равно казалось, что в нем шумно. Шумно было по-другому, не так как обычно разговаривал с Верой большой город – через шум листвы, далекие сирены или скрип трамваев. Из колонок гремела музыка, слов которой за высокими нотами басов она не могла разобрать, да и не старалась.

– Хотелось бы что-нибудь тихого для поднятия творческого настроения, – ответила Вера и показала жестом, как прикрывает уши.

– Абсент, – спросил бармен.

– Куда в такую рань крепкие напитки? – возразила Вера.

– Не так и рано, время позволяет. Вы откуда? – снова обратился к ней бармен.

– Я приехала из маленького городка, но здесь уже давно живу, – отозвалась Вера. Вопрос застал ее врасплох и от неожиданности она начала свой рассказ издалека.

– Я имел ввиду, откуда идете?

– Иду в художественную галерею. Здесь есть рядом, совсем незаметная, с временными выставками. Посмотреть хочу. Я возьму латте и круасан, – выбрала из меню Вера.

– Выходит, что не творческий человек, – отреагировал на заказ бармен.

– А что это как-то заметно по предпочтениям в еде? – спросила Вера.

– А чего вы уехали из своего города?

– Подумалось, что надо что-то менять. Мне моя жизнь, казалась слишком тихой на значимые известия, – сказала Вера.

– Знаменитости живут громко, – ответил бармен. Шмыгнув носом, он кивнул головой перед собой, словно указывая направление.

– Не знаю, я ни с кем из них лично не знакома.

Вера на всякий случай повернула голову в направлении кивка бармена и уперлась взглядом в окно. Напротив кафе располагался ресторан, о чем она прочитала по золоченым буквам над большими сверкающими, стеклянными дверьми, прорезающими по центру старое здание. Сама старина дома показалась Вере какой-то обычной, никаких тебе маскаронов, барельефов и прочей лепнины, что ей так нравилось рисовать.

– Мне больше нравится шансон, – сообщила она, когда пронзительным грохотом без ритма началась новая композиция музыкального сопровождения кафе.

Бармен удивленно уставился на Веру, левая бровь поползла вверх, а пребывающий в постоянном движении фужер, застыл в его руках.

– Французский шансон, – уточнила она.

– А-а-а-а. Итак, латте, круасан и шансон. Сейчас сделаю, – резюмировал бармен, поведел фужер над стойкой и принялся готовить кофе, проронив:

– А я местный. Моя жизнь мне нравится и работа тоже.

Еще раз мельком глянул на Веру, добавил обыденно, обычную фразу, которая часто слышится неестественной и заученной:

– Я за смену вижу столько разных людей, мне нравится говорить с ними, слушать истории.

– А ты никогда не хотел книгу написать, собрать из этих историй какую-нибудь драму или комедию? – спросила Вера.

– Нет, не хотел, никогда, – категорично отрезал бармен и пожал плечами. – Присаживайтесь, ваш заказ я принесу, – дружелюбно добавил.

Вера огляделась и присела за столик у окна. На улице, подъехавший к дому напротив автомобиль настойчиво искал место, где бы запарковаться, пытаясь втиснуться в неравномерно оставленные свободные места и создавал дополнительный шум, сливающийся с какофонией звучащего в кафе рока. Наконец из машины вышел водитель, руль, который недавно занимал его руки тут же сменил айфон, извлеченный неизвестно откуда так незаметно, что несложно было полагать, что мужчина был в спешке, не родился же он вместе с ним. Перебирая пальцами по поверхности гаджета, ездок быстро скрылся внутри. Дверь сверкнула искажившимися отражениями улицы на стекле и бесшумно закрылась, затворив за ним вовнутрь все звуки, которые он произвел своим приездом.

Тем временем кафе наполнилось меланхоличной мелодией аккордеона. Вера достала скетчбук, полистала, еще раз глянула в окно. Она присмотрелась к рыжеющей на доме вывеске. То, что рыжий цвет сложный она знала наверняка, когда по частицам тонов и оттенков собирала цвет своих волос. Она красилась в теплый медный, а не рыжий золотой – огромная разница и не было в таком выборе ни намек на подражание женщинам с яркой внешностью или дани какой-либо моде. Французенки, к слову, – вовсе не рыжие, они разные, Вера знала об этом наверняка, не понаслышке. А самый узнаваемый бренд, Эйфелева башня, появилась перед ней в путешествии познания мира, напротив, неожиданно. Проходя по улицам с кафе, приветливо приглашающих яркими пледами на уличных террасах, чтобы заглянуть в них, укрыться от непогоды и окунуться в приятную слуху картавинку речи, она сразу не могла признать ее в дневном цвете, без света вечерних огней. Позже, вечером, она поняла, что Париж – это целый мир, наполненный романтиками и мечтателями. Мир Веры большей частью состоял из художественных линий, оттенков, мелодичности и глубоких, тихих размышлений.

Не так давно жизнь слышалась Вере монотонной мелодией, исполняемой на одной унылой ноте. Эта мелодия глухо разносилась эхом посреди череды рутинных дел, не оставляя места для того, чтобы заметить что-то живое и значимое. Среди множества дней, очень похожих между собой, заваленных чужими просьбами, требованиями и воспоминаниями, переливаемыми из пустого в порожнее, она не сразу заметила день, которые позднее называют судьбоносным, когда серую стену ее жизни, словно луч солнца в хмурый осенний день, прорезали вполне эпохальные для времени слова: «Надо что-то менять». И вскоре у нее появились инструменты, чтобы увеличить образовавшуюся брешь в этой серой броне, и негасимое желание каких-либо перемен. В доме появились художественные карандаши и бумага для рисования, потом кисти и краски. Робкими и неуверенными мазками рука выводила линии, Вера смешивала краски, пытаясь разделить изображение на основные тона и оттенки, чтобы создать свою гармонию из окружающего ее хаоса. Получалось не очень – холсты оставались заполненными пустыми днями. «Что если попробовать сменить место, если на время повлиять невозможно», – задумалась Вера, приняв решение отправиться в большой город.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.